

УДИЛА И ПСАЛИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Вадим Владимирович Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Рассматривается серия удила и псалии из восьми погребальных памятников кулайской и одинцовской культуры III–V вв. Приводятся сведения о погребальном обряде объектов, в которых найдены данные элементы конского снаряжения, а также их графические изображения. В результате классификации удила и псалии они разделены на два отдела и четыре типа, дополненных семью вариантами. Типологический анализ позволил очертить круг аналогий и определить датировку изучаемых предметов. Сделан вывод о появлении удила и псалии у племен кулайской культуры под влиянием населения Восточной Европы. Удила и псалии населения одинцовской культуры более разнообразны. В их составе присутствуют как образцы кулайского наследия, так и конструкции, привнесенные кочевниками Центральной Азии.

Ключевые слова: памятники III–V вв. н.э., кулайская и одинцовская культуры, снаряжение верхового коня, удила и псалии, классификация и типология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Горбунов В.В. Удила и псалии эпохи Великого переселения народов из памятников Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 190–197. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.27

BITS AND CHEEK-PIECES OF THE EPOCH OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES FROM THE SITES OF THE FOREST-STEPPE ALTAI

Vadim V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article considers a series of bits and cheek-pieces from eight funerary sites of the Kulay and Odintsovo cultures of the 3rd–5th centuries. Information is given about the funeral rite of objects where these elements of horse equipment were found along with their graphic images. As a result of the classification of bits and cheek-pieces, they are divided into two groups and four types, supplemented by seven variants. Typological analysis made it possible to outline a circle of analogies and determine the dating of the subjects studied. The conclusion is made about the appearance of bits and cheek-pieces among the tribes of the Kulay culture under the influence of the population of Eastern Europe. The bits and cheek-pieces of the population of Odintsovo culture are more diverse. They contain both samples of the Kulay heritage and designs introduced by the nomads of Central Asia.

Keywords: sites of the 3rd–5th centuries AD, Kulay and Odintsovo cultures, riding horse equipment, bits and cheek-pieces, classification and typology

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Gorbunov V.V. Bits and Cheek-pieces of the Epoch of the Great Migration of Peoples from the Sites of the Forest-Steppe Altai // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2022. Vol. XXVIII. Pp. 190–197. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.27

Удила и псалии являются важнейшим элементом конского снаряжения, различные изменения которого имеют, как правило, хронологическое, а иногда и этнокультурное значение. Для территории Лесостепного Алтая системный анализ удил и псалиев выполнен по материалам сроткинской культуры, 2-я половина VIII–XII вв. и материалам кармацкой культуры, XIII–XIV вв. (Неверов, 1988, с. 9–10; 1992, с. 141–152, рис. 1–4; Ефремов, 1998, с. 159–160, рис. 1; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 66–68, табл. 1.-1–2). Частично восполнить имеющийся пробел по более раннему времени призвана настоящая работа. Нами собрана информация о находках удил и псалиев из памятников Лесостепного Алтая эпохи Великого переселения народов. Всего выявлено 15 удил, 10 псалиев и одна деталь от повода из восьми могильников. Один могильник — Ближние Елбаны-VII (далее БЕ) относится к фоминскому этапу кулайской культуры, III — 1-я половина IV в., а остальные: БЕ-III, БЕ-XIV, Ераска, Татарские Могилки, Тугозвоново, Усть-Пустынка, Чекановский Лог-IX — относятся к сошниковскому этапу одинцовской культуры, 2-я половина IV — 1-я половина V в. (Горбунов, 2004, с. 94–95; 2015, с. 120–121).

Большинство удил и псалиев найдены непосредственно в могилах. Среди них захоронений по обряду ингумации с конем — четыре (Грязнов, 1956, с. 103, 105, табл. XLI.-30; Алехин, Гельмель, 1991, с. 94, рис. 1.-1; Егоров, 1993, с. 77, рис. 1.-6), по обряду одиночной ингумации — два (Уманский, 1978, с. 148; 1985, с. 56, рис. 1.-5), по обряду парной ингумации — два (Уманский, 1974, с. 142–143, рис. 5.-22, 32; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, с. 24, рис. 3.-11), по обряду кремации — одно (Грязнов, 1956, с. 129; Ширин, 2003, с. 53, табл. XXXVI.-1). Везде удила и псалии представлены одним комплектом и лишь в одном парном погребении из Татарских Могилков они насчитывают два комплекта. Еще двое удил с БЕ-III и трое удил с БЕ-XIV происходят из почвенного слоя могильников (Грязнов, 1956, с. 107, 118–119, табл. XXXVIII.-3–4, XLV.-35).

Для системного анализа привлечено только 11 удил, шесть псалиев и рамка для повода. Остальные экземпляры либо разрушены и не сохранились, либо данные о них неполные, а изображения не опубликованы. Все удила сделаны из железа и представляют собой как целые изделия, так и их отдельные фрагменты. Большинство псалиев также изготовлено из железа и сохранились целиком или фрагментарно. Не-

полные экземпляры реконструируются на основе сопоставления с целыми. По количеству звеньев удил можно выделить отделы, по их конструкции — типы, а по материалу и конструкции псалиев и деталей повода — варианты.

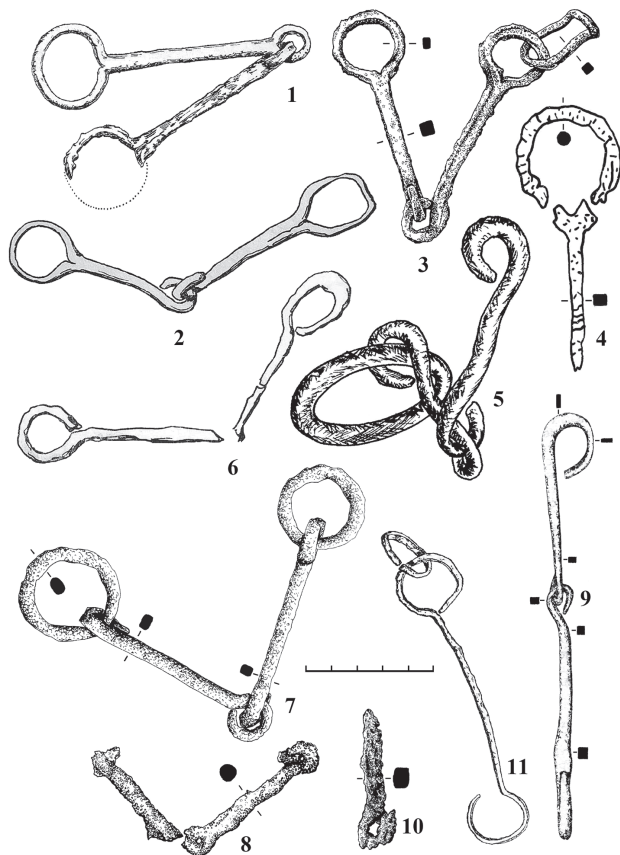
Отдел I. Двухзвенные. Удила состоят из пары гладких стержней-звеньев чаще четырехугольного (квадрат или прямоугольник) или реже округлого сечения. При этом форма сечения одного звена может меняться, например, сам стержень квадратный, а его окончания прямоугольные или реже круглые. Одно из звеньев, как правило, немного длиннее другого, но есть звенья и одинаковой длины.

Тип 1. Однокольчатые удила с кольчато-крюковым соединением. Внешние окончания каждого звена раскованы и сварены в одно кольцо, предназначенное для продевания псалия и крепления повода. Соединение звеньев между собой происходит через внутренние окончания стержней, у одного из которых оно расковано и сварено в кольцо, а у другого — расковано и загнуто в виде крюка. Эти детали расположены в разных плоскостях. Диаметр внешних окончаний больше диаметра внутренних. Всего одни удила: БЕ-XIV, культурный слой — 1 экз. (два звена, одно частично обломано), длина звеньев 10,5–11 см, средняя ширина звеньев 0,6 см, диаметр внешних окончаний 3,4 см, диаметр внутренних окончаний 1,5 см (рис.-1). *Вариант а* — без псалиев и других деталей.

Тип 2. Однокольчатые удила с крюковым соединением. Конструктивно аналогичны первому типу, но оба внутренних окончания звеньев представляют собой крюки. Всего двое удил: БЕ-III, культурный слой — 1 экз. (два звена), 7,8–9×0,6×2,4×1,5 см (рис.-2); Татарские Могилки, могила-4 — 1 экз. (два звена), 8,4–9,4×0,6×2,7×1,7 см (рис.-3). Условно к этому типу можно отнести фрагмент звена удил из могилы-3 в Тугозвонovo, 10,6×0,5×4,2×? см (рис.-4). *Вариант а* — без псалиев и других деталей: БЕ-III и Тугозвонovo. *Вариант б* — с железной рамкой для повода. Рамка сделана из прута квадратного сечения, сомкнутого и сваренного. Она имеет овально-прямоугольную форму с поджатием боковых сторон: Татарские Могилки — 1 экз., длина рамки 3 см, наибольшая ширина 1,5 см, средняя ширина и толщина прута 0,35 см (рис.-3).

Тип 3. Крюковые удила с крюковым соединением. Отличаются от предыдущего типа тем, что внешние окончания звеньев, как и внутренние, загнуты в виде крюков. При этом диаметр внешних окончаний чаще больше диаметра внутренних окончаний и реже равен ему. Всего пять удил: БЕ-VII, могила-99 — 1 экз. (два звена), 6,4–8,8×0,6×2,4×1,7 см (рис.-5); БЕ-XIV, могила-17 — 1 экз. (два звена, частично обломаны), 7,8–8,4(?)×0,5×2,4×? см (рис.-6); Ераска, могила — 1 экз. (два звена), 8,4×0,6×1,7×1,6 см (рис.-7); Татарские Могилки, могила-4 — 1 экз. (два звена, одно частично обломано), 4,7(?)–6,4×0,7×1,3×1,2 см (рис.-8); Усть-Пустынка, могила — 1 экз. (два звена), 8–10,4×0,45×2,1×1,1 см (рис.-9).

Условно к этому типу можно отнести и фрагмент звена удила из могилы памятника Чекановский Лог-IX, 5,5(?)×0,7×?×1,5 см (рис.-10). *Вариант а* — с железными кольчатыми псалиями. Псалий сделан из гладкого прута округлого или прямоугольного сечения, образующего замкнутое

Железные удила и псалии из памятников Лесостепного Алтая: 1, 6, 11 — БЕ-XIV; 2 — БЕ-III; 3, 8 — Татарские Могилки; 4 — Тугозвонovo; 5 — БЕ-VII; 7 — Ераска; 9 — Усть-Пустынка; 10 — Чекановский Лог-IX. 1, 2, 5, 6, 10 — по: (Грязнов, 1956); 4 — по: (Уманский, 1985), 7 — по: (Егоров, 1993), 9 — по: (Алехин, Гельмель, 1991), 10 — по: (Горбунов, Демин, Ситников, 2004)
Iron bits and cheek-pieces from the monuments of the Forest-Steppe Altai: 1, 6, 11 — BE-XIV; 2 — BE-III; 3, 8 — Tatar Graves; 4 — Tugozvonovo; 5 — BE-VII; 7 — Yeraska; 9 — Ust-Pustynka, 10 — Chekanovsky Log-IX. 1, 2, 5, 6, 11 — by: (Gryaznov, 1956); 4 — by: (Umansky, 1985), 7 — by: (Egorov, 1993), 9 — by: (Alekhine, Helm, 1991); 11 — by: (Gorbulov, Demin, Sitnikov, 2004)

сваренное кольцо. Всего пять псалиев: БЕ-VII — 1 экз., диаметр псалия 6 см, средняя ширина кольца 0,6 см; Ераска — 2 экз., 3,3–3,8×0,6 см (рис.-5); Татарские Могилки — 2 экз. (обломаны), 1,5(?)×0,4 см (рис.-8). *Вариант б* — с костяными псалиями. Эти псалии упомянуты в публикации, но не отрисованы и, очевидно, имели плохую сохранность: БЕ-XIV. *Вариант в* — без псалиев и других деталей: Усть-Пустынка.

Отдел II. Однозвенные. Удила сделаны из одного слегка выгнутого гладкого стержня четырехугольного сечения, имеющего два внешних окончания.

Тип 4. Крюковые удила. Оба внешних окончания раскованы и согнуты в крюки прямоугольного сечения, загнутые в противоположные стороны. Всего одни удила: БЕ-XIV, культурный слой — 1 экз., 12×0,3×2,4–2,6 см (рис.-11). *Вариант а* — с железными кольчатými псалиями. Сохранился один псалий, кольцо которого сделано из гладкого незамкнутого прута прямоугольного сечения, 2,4×0,3 см.

Железные удила из двух звеньев с внешними окончаниями в виде одного кольца использовались на просторах евразийских степей очень широко. На территории Алтая и юге Западной Сибири они известны со скифо-сакского времени и сначала имели кольчатое соединение звеньев (Неверов, 1992, с. 143). Во II в. однокольчатые удила получают комбинированное — кольчато-крюковое соединение звеньев (тип 1), а с III в. у них появляется полностью крюковое соединение (тип 2). На Алтае этот процесс хорошо демонстрируют находки из памятников булан-кобинской культуры (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 112, табл. 30.-2, 5, 7, 31.-1–2; Тишкин, Горбунов, 2020, с. 39, рис. 2.-26). В дальнейшем удила с кольчато-крюковым соединением встречаются в материалах тюркской культуры до VII в. (Гаврилова, 1965, табл. V.-4, XV.-6; Горбунов, Тишкин, 2013, с. 97, рис. 16), а удила с крюковым соединением известны у тюрков и населения Лесостепного Алтая вплоть до XI в. (Могильников, 2002, с. 83–85, рис. 208.-3, 18–20; Кубарев, 2005, рис. 34.-1–2, 7–8, 12; Серегин, Степанова, 2020, рис. 2.-2).

Снабжение удил рамкой для повода определенной формы (тип 2а) находит ближайшие и точные аналогии в материалах булан-кобинской культуры 2-й половины III — 1-й половины V в. (Соенов, Эбель, 1992, рис. 33.-5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 30.-5, 7, 9). Похожие рамки, но с сомкнутой серединой, придающей изделию 8-образную форму, продолжали применяться тюрками во 2-й половине V — 1-й половине VIII в. (Кубарев, 2005, табл. 31.-8, 111.-1).

Крюковые удила с таким же соединением звеньев (тип 3) появляются в середине I тыс. до н.э. среди снаряжения скифского круга Восточной Европы, и в течение 1-й половины I тыс. н.э. постепенно распространяются на восток (Неверов, 1992, с. 150–151). На территорию Алтая и юга Западной Сибири они попадают к III в. и достаточно актив-

но используются до V в. (Ширин, 2003, с. 52–53, табл. XXXVI.-1, XLIX.-2, L.-3–3, LV.-1, C.-1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 112, табл. 30.-4, 31.-4–5). Затем наступает долгая пауза, и лишь с X в. такие удила снова появляются здесь у тюрков и населения сротскинской культуры и продолжают бытовать в монгольское время (Неверов, 1992, с. 152; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 66, табл. 1.-1–2; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208.-1; Кубарев, 2005, рис. 34.-11).

Кольчатые псалии начинают дополнять удила в западной части Евразии уже в 1-й половине I тыс. до н.э., а в ее восточной части — с последней четверти этого тысячелетия (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 68). На Алтае они известны на всем протяжении существования булан-кобинской культуры, II в. до н.э. — 1-я половина V в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 34, рис. 1.-44; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 113–114, табл. 31.-4–5). В дальнейшем крупные кольчатые псалии (часто витые и ложновитые) бытуют у тюрков до середины VIII в., а обычные гладкие — в IX–XI вв. (Кубарев, 2005, с. 122, табл. 31.-8, 111.-1, 119.-1). В середине IX в. кольчатые псалии заново распространяются у населения Лесостепного Алтая в памятниках сротскинской культуры (Грязнов, 1956, табл. LV.-23; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208.-1, 3, 5, 14). В монгольское время такие псалии становятся господствующими (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 67–68, табл. 1.-1-2). Сочетание крюковых удил с кольчатыми псалиями (тип 3а) является преобладающим, а начиная с развитого Средневековья почти единственным вариантом.

В комплекте с роговыми псалиями (тип 3б) крюковые удила встречаются редко. Из ближайших случаев такой вариант зафиксирован на памятнике III–IV вв. Кырлык-1 в Кузнецкой котловине (Ширин, 2003, с. 53, табл. LV.-1, 3).

Следует также отметить, что удила рассматриваемой серии без псалиев (тип 1а, 2а, 3в), вероятно, снабжались деревянными псалиями, которые не сохранились.

Удила из одного звена с внешними окончаниями в виде крюка (тип 4) являются довольно редкой конструкцией. На юге Западной Сибири они зафиксированы в кулайском погребении III–IV вв. из Кузнецкой котловины (Ширин, 2003, с. 53, табл. LI.-3). Более активно такие удила, преимущественно с кольчатыми псалиями (тип 4а), использовались населением Восточной Европы, особенно кочевниками, на протяжении X–XII вв. (Армарчук, 2006, с. 40–41, рис. 22.-1–2). Бытование удил типа 4 для южных районов Западной Сибири пока укладывается в III–V вв., но решение вопроса об их происхождении требует новых материалов.

Обобщая приведенные данные, удила типа 1 мы можем датировать II–VII вв., а типа 2 — III–XI вв., сузив дату для типа 2б до III–V вв. Удила типа 3 имеют широкую хронологию, но для территории Алтая и юга Западной Сибири следует отдельно выделять раннюю

стадию их применения, датирующуюся III–V вв. К этому же периоду относятся и удила типа 4.

На территории Лесостепного Алтая в начале эпохи Великого переселения народов фиксируются удила типа 3, а с учетом соседнего района Кузнецкой котловины — и типа 4. Все они происходят из памятников кулайской культуры. Их появление видимо стоит связывать с западными контактами данной общности, а именно с территорией Восточной Европы. В дальнейшем типы 3 и 4 продолжают применяться и ранним населением одинцовской культуры, но неизвестны в ее поздних памятниках. Удила типов 1 и 2, наоборот, пока не известны в кулайских памятниках и встречены исключительно в одинцовских комплексах. Видимо, они попадают на территорию Лесостепного Алтая в конце эпохи Великого переселения народов, когда начинается движение групп южных кочевников, в основном из Центральной Азии, приведшее к образованию этой общности. В дальнейшем типы 1 и 2, за некоторыми исключениями (тип 2а), продолжают использоваться поздним населением одинцовской культуры.

Список источников

Алехин Ю.П., Гельмелъ Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 94–95.

Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М., 2006. 226 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 119–122.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 2004. Серия II. Вып. 1. С. 18–36.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 82–99.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 226 с. (МИА. №48).

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 159–169.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Неверов С.В. История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 141–154.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. Т. XXVI. С. 603–610.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 41–50.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. №3. С. 33–46.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В., Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave. 61; Doctor of History, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru